

Международная конвенция по регулированию китобойного промысла

Малгоуша Фитсморис

*Профессор международного публичного права
Юридический факультет
Лондонский университет королевы Марии*

1. Исторический контекст

Киты уже много столетий выступают объектом потребления, на них охотятся ради ворвани, костей и мяса. Начало китобойному промыслу, как представляется, было положено тысячи лет назад, предположительно в 2200 году до нашей эры. Считается, что первый организованный убой был проведен басками в 700 году нашей эры, позднее к промыслу подключились фламандцы и норманы, а затем и британцы с голландцами, китобойные операции которых затмили успехи басков. Испания, Норвегия и Франция начали китобойный промысел уже в IX веке нашей эры. Британцы, голландцы и немцы расширили масштабы китобойного промысла, охватив им северную часть Атлантического океана. Принято считать, что Япония и Россия развернули каботажный китобойный промысел в XII веке, а колонисты Северной Америки — в XVI-м. На начальном этапе в основе китобойных операций лежали наземные базы, а в качестве главных орудий промысла использовались гарпуны и сети с лодок на гребном ходу. Туши китов разделялись в прибрежных водах. С истощением китовых ресурсов в прибрежных зонах начался период пелагического — т.е. в открытом океане — китобойного промысла. Пелагический промысел привел также к экспансии китобойных методов, Россия открыла базы в Корее, начали появляться наземные базы во многих других прибрежных государствах, таких как Австралия и Канада. С развитием новых технологий наземные базы утратили свое значение. Китовые туши стали обрабатываться полностью на борту плавучих заводов, что позволило государствам распространить свои операции за пределы территориальных вод. Новые технологии способствовали также росту численности забиваемых китов. К числу таких технологий относятся взрывные наконечники для гарпунов, которые, детонируя внутри китов, позволяют сократить время убоя, и гидролокаторы и отслеживание с вертолетов (современную историю китобойного промысла см. в следующих источниках: J.N. Tønnessen and A.O. Johnsen, *The History of Modern Whaling* (перевод на англ. Р.И. Кристоферсена, C. Hurst & Company 1982); L. Larry Leonard, 'Recent Negotiations Toward the International Regulation of Whaling,' (1941) 35 *AJIL*, p. 90, 92; Kurkpatrick Dorsey, *Whales and Nations. Environmental Diplomacy on the High Seas*, University of Washington Press, 2014; Malgosia Fitzmaurice, *Whaling and International Law*, Cambridge University Press, 2015). Неограниченный и нерегулируемый промысел начался в 1883 году и продолжался 21 год, когда стало очевидным, что при достигнутых темпах запасы китов обречены на истощение. До 1883 года нет надежных данных о промысловых объемах и вылавливаемых видах. Тоннессен и Йонсен считают, что, несмотря на отсутствие данных, облавливались, несомненно, все виды китов. Увеличению числа промысловых видов китов способствовало еще одно изобретение — в 1921 году Петтер Серлле запатентовал свой слип для плавучих заводов. Технологии пелагического промысла сделали возможным массовую эксплуатацию китов, и ежегодно объектом промысла становились тысячи китов, особенно в Антарктике. В течение трех промысловых сезонов в период 1927–1931 годов объемы пелагического китобойного промысла в Антарктике выросли в четыре раза. Вместе с тем перепроизводство и чрезмерная

экспансия совпали с мировым экономическим кризисом и снижением цен на все сырьевые материалы, что привело к краху китобойной индустрии. Чрезмерная эксплуатация китов в период между двумя мировыми войнами повлекла за собой заключение двух международных конвенций о защите китов: Женевской конвенции 1931 года о регулировании промысла китов (155 L.N.T.S 349) и Соглашения 1937 года по регулированию китобойного промысла (8 июня 1937 года, 190 L.N.T.S. 79). Китобойные конвенции 1931 и 1937 годов оказались не особенно эффективными, но они заложили правовую основу для будущего регулирования китобойного промысла, которое, хотя и не идеально, продолжается по сей день в соответствии с Международной конвенцией 1946 года по регулированию китобойного промысла (МКРК).

2. Регулирование китобойного промысла в международном праве:

Международная конвенция по регулированию китобойного промысла

В 1946 году государства собрались с целью договориться о регулировании китобойного промысла, и в результате был создан новый институт, одновременно весьма консервативный и в некоторой степени радикальный (об истории заключения МКРК см. Kurkpatrick Dorsey, *Whales and Nations. Environmental Diplomacy on the High Seas*, University of Washington Press, 2014). Опираясь на мнения научных экспертов, составители Конвенции следовали более прогрессивной традиции Соединенных Штатов в попытке примирить потребности отрасли с необходимостью сохранения запасов китов (как отражено в преамбуле Конвенции, где дана ссылка на устойчивое использование). Исполняющий обязанности государственного секретаря Соединенных Штатов Америки Дин Ачесон заявил, что киты находятся «под опекой всего мира», являются «общим ресурсом» и должны охраняться. Он подчеркнул необходимость сотрудничества в использовании мировых ресурсов, утверждая, что конференция продемонстрировала «расширение сотрудничества между странами в решении международных природоохранных проблем». На этом фоне перед Конвенцией, как представляется, ставилась цель служить средством для достижения такого сотрудничества, направленного на сохранение запасов китов. Подход Соединенного Королевства был сосредоточен не столько на защите мировых запасов китов, сколько на сохранении отрасли китобойного промысла. Эта позиция была в целом продиктована послевоенными условиями, сложившимися в Соединенном Королевстве, а именно лишениями, голодом и нуждой. Следует также упомянуть замечание, сделанное К. Жираром Дэвидсоном, помощником министра внутренних дел Соединенных Штатов, о том, что наука является ключом к устойчивому использованию. Он также разъяснил свою концепцию Международной китобойной комиссии («МКК»), центрального органа Конвенции, — она должна была стать органом для обсуждения и анализа последних научных результатов, призванных обеспечить тщательное регулирование ресурсов, принадлежащих всему миру, способствуя тем самым достижению «более мирного и счастливого будущего для человечества». Переговоры по МКРК были результативными. Делегаты согласились с двумя положениями прогрессивного законодательства Соединенных Штатов: о защите китобойного промысла коренных народов и о разрешении на промысел китов в научных целях, причем оба эти основания китобойной активности не подпадали под установленные квоты. Неожиданными оказались события в связи с прибытием советской делегации, которая в качестве условия своего участия в Конвенции заручилась некоторыми уступками других делегатов, как продлением сезона 1946–47 годов.

Определенные разногласия среди делегатов вызвали, в частности, два вопроса: механизм функционирования Конвенции предусматривал систему молчаливого согласия (и процедуру отказа от ее применения), а для внесения каких-либо поправок в согласованный комплекс правил требовалось большинство в две трети голосов.

Первая клаузула сохранилась; а последняя была изменена — внесение поправок было обусловлено большинством в три четверти участников Конвенции, т.е. для каких-либо изменений требовалось согласие более значительной части договаривающихся сторон. Норвежская делегация выступала за то, чтобы МКК получила полномочия принимать решения, имеющие обязательную силу. Соединенное Королевство также выступало за предоставление МКК более веских полномочий. Однако были делегации, в полной мере удовлетворенные тем, что МКК не получила полномочий принимать решения, имеющие обязательную силу, в частности французская и голландская делегации, которые выступали против укрепления МКК, ибо такое развитие событий было бы в ущерб их собственным интересам, за которые наилучшим образом рдели их правительства. Процедура отказа была сочтена необходимой, поскольку предлагаемая модель МКК создавала новое учреждение, которое ограничило бы свободу действий государств в открытом море и, соответственно, имело бы негативные последствия для способности государств беспрепятственно преследовать свои конкретные экономические выгоды. Без включения процедуры отказа Соединенные Штаты, Нидерланды, Франция и Советский Союз не подписали бы МКК. Согласно замечаниям Дорси, в ретроспективе нежелание отвергнуть процедуру отказа было самой большой ошибкой совещания 1946 года. Не стоит удивляться тому, что утверждение процедур отказа зачастую приводило к подрыву коллективных усилий группы государств. Например, известно, что государства не пренебрегают механизмами отказа в стремлении избежать выполнения решений, причиняющих ущерб их интересам. Тем не менее, вопреки соображениям Дорси, отказ включить какой-либо подобный механизм вполне мог бы привести к отчуждению некоторых государств, тем самым подорвав все имевшиеся на тот момент шансы для налаживания межгосударственного сотрудничества и взаимодействия. Норвежская и британская позиции по отношению к процедуре отказа основывались на неточных прогнозах будущих событий. Норвегия и Великобритания не могли предвидеть расширения советского китобойного промысла и придерживались мнения о том, что Японии не будет дозволено вести промысел на постоянной основе. Они просчитались в своих перспективах на будущее — в их видении китобойной отрасли Норвегия и Соединенное Королевство занимали доминирующее положение и игнорировалась весомость других серьезных китобойных наций. Предложение о том, чтобы функция надзора за МКК была закреплена за Продовольственной и сельскохозяйственной организацией Объединенных Наций (ФАО), также не получило признания.

Делегаты разделили процесс переговоров на две части: первая часть была посвящена согласованию на основе Протокола 1945 года нового протокола о регулировании китобойного промысла в сезоне 1947–48 годов, а вторая — более сложному процессу составления самой конвенции — МКК 1946 года — с целью создать Международную китобойную комиссию. Такой подход давал сторонам, подписавшим МКК, больше времени для того, чтобы ее ратифицировать. Наиболее важным является то, что Конвенция сохранила годовой лимит, учрежденный в 1944 году, на уровне 16 000 условных единиц синего кита (“BWU”) в водах Антарктики. Делегаты Соединенных Штатов, Норвегии и Соединенного Королевства придерживались той точки зрения, что такие квоты должны быть основаны на преемственности, с тем чтобы можно было заложить статистическую основу, с учетом которой будет определяться число китов. Кроме того, представитель Соединенных Штатов Ремингтон Келлогг заявил, что квота в 16 000 BWU призвана установить ограничения на уровне в две трети от годового улова за последние семь мирных сезонов, промысел в течение которых был слишком интенсивным. Квота не удовлетворяла большинство делегатов, которые считали ее слишком высокой. Впоследствии показатель BWU подвергся критике и был упразднен.

Такие вопросы, как абсолютная защита некоторых видов (запрет на коммерческий китобойный промысел или мораторий), создание китовых заповедников и

организация китобойного промысла коренных народов, унаследованы от вышеупомянутых предыдущих конвенций. Эти правовые подходы соответствуют противоположным мнениям о китах как священных животных и китах как утилитарных объектах. Поэтому в этот период между двумя мировыми войнами у нас начинает складываться международно-правовой подход к китам в качестве, с одной стороны, объекта экономической эксплуатации, что диктует необходимость их правового регулирования, а с другой стороны — тотемического объекта и практически объекта отправления культа.

Международная конвенция по регулированию китобойного промысла состоит из самой Конвенции, а также Приложения, которое является составной частью текста Конвенции. В Конвенции излагаются общие нормативно-правовые механизмы для регулирования запасов китов. В Приложении, согласно пункту 1 статьи V, устанавливаются стандарты, которые должны соблюдаться в отношении «сохранения и использования» видов китов. В нем оговариваются конкретные вопросы, касающиеся охраны китов, как открытые, так и закрытые сезоны, методы промысла, предельные размеры китов каждого вида и методы инспекции китобойных судов. В пункте 2 статьи III изложена процедура внесения поправок в Приложение, для принятия которых требуется большинство в три четверти от числа членов, обладающих правом голоса. К Приложению впоследствии был принят ряд поправок, включая положения о введении моратория и об объявлении Индийского и Южного океанов заповедными зонами.

В МКРК фактически нет общего определения «кита». Вместо этого в Приложении перечисляются виды, находящиеся под защитой Конвенции. В Приложении перечислены только так называемые «большие киты». Средние по размерам тотемические киты, нарвалы, пожалуй, находятся за пределами компетенции МКРК. Однако в целях сохранения таких красивейших животных, как нарвалы, многие государства утверждают, что Международная китобойная комиссия обладает полномочиями для регулирования всех видов китов. На практике предмет регулирования Конвенции остается расплывчатым и неопределенным.

Китобойный режим, согласно Конвенции, предусматривает три вида промысла: коммерческий китобойный промысел (в настоящее время «квоты» нулевые), промысел, который ведут представители коренных народов, и промысел в научно-исследовательских целях.

В преамбуле к МКРК среди ее целей фигурируют «надлежащее сохранение поголовья китов и... упорядоченное развитие китобойного промысла». Таким образом, в ней остались неизменными исторические бинарные цели охраны запасов китов и поддержания отрасли. Вместе с тем даже с точки зрения этой довольно ограниченной цели Международная китобойная комиссия (МКК) так и не оправдала ожиданий. Запасы, особенно в прошлом, отслеживались неадекватно, и истощение продолжается. В результате (но на фоне весьма изменившегося членского состава и принципиально иной концепции того, какой должна быть цель контроля) в 1982 году МКК ввела полный запрет на коммерческий китобойный промысел (известный в целом как мораторий или «нулевые квоты»), который вступил в силу в сезоне 1985/1986 годов. Однако мораторий был задуман лишь в качестве временной меры. Ожидалось, что запасы восстановятся и что с течением времени запасы по крайней мере некоторых видов достигнут достаточно безопасных и устойчивых уровней, чтобы возобновить китобойный промысел. Но при этом все попытки найти приемлемую основу для возобновления должным образом контролируемого промысла пока терпят крах, и мораторий остается в силе.

Позиции в отношении моратория могут вступать в противоречие друг с другом, что демонстрирует, какое значение имеет «кит» для различных обществ. Они свидетельствуют о широком и непреодолимом разрыве между двумя диаметрально

противоположными лагерями: «сохранителями» (сторонниками сохранения китов для конечной цели их использования) и «охранителями» (киты — прекрасные создания природы, и эксплуатировать их не следует). Отсутствие однозначности и категоричности в формулировках Конвенции четко указывает на то, что большинство вопросов в отношении МКРК являются спорными, начиная с бинарного характера ее предмета и цели: с одной стороны, сохранение запасов китов и управление ими в целях обеспечения «упорядоченного развития китобойного промысла», а с другой — признание того, что киты являются «общим наследием» и должны оставаться нетронутыми для будущих поколений. Норвегия и Исландия воспользовались процедурой отказа в отношении моратория на китобойный промысел и проводят законные коммерческие китобойные операции. Китобойный промысел в научно-исследовательских целях основывается на статье VIII МКРК и не подпадает под сферу регулирования МКК. Разрешения на такой промысел выдают национальные органы, ведающие проведением научных исследований.

Тем не менее довольно существенные китобойные операции продолжают иметь место на декларируемом основании прочих положений МКРК и в значительной степени за пределами непосредственной компетенции МКК. Существуют и другие спорные вопросы, включая законность заповедных зон, установленных или предложенных МКК, и проблему терминов МКК, таких как «китобойный промысел коренных народов», однако в первую очередь именно «китобойный промысел в научно-исследовательских целях» и вопрос о возобновлении коммерческого китобойного промысла лежат в основе существующего ныне конфликта. Компетенция МКК испещрена непримиримыми проблемами, что превратило ее в орган, сеющий раздор. До сих пор ряд государств рьяно отстаивает то, что представляется им практически неотъемлемым правом продолжать коммерческий китобойный промысел, и в результате среди государств — участников МКРК сложились принципиально различные подходы к китобойному промыслу и, по сути дела, на предмет собственно основополагающих целей Конвенции и Комиссии. Для этого небольшого числа оставшихся «китобойных держав» китобойная деятельность — пусть даже теперь в контролируемых условиях и на устойчивой основе — остается законной, наряду с другими формами устойчивого использования морских ресурсов. Однако государствам, в целом отказавшимся от китобойного промысла, громогласно поддерживаемым мощным лобби экологических и охранительных НПО, равно как и в значительной степени широкой общественностью, убой китов в любой форме представляется ненужным и, по сути, аморальным видом деятельности, который, по крайней мере в качестве конечной цели, нужно запретить навсегда (Charlotte Epstein, *The Power of Words in International Relations*, MIT 2006; Peter Davies, 'Cetaceans' in Michael Bowman et al., *Lyster's International Wildlife*, 2nd ed., Cambridge University Press, 2010).

Одним из факторов, которые, по имеющимся соображениям, подрывают эффективность Китобойной конвенции, является ее преклонный возраст. МКРК была разработана и согласована почти семьдесят лет назад, и в основу ее фундаментальных норм были положены два довоенных договора 1931 и 1937 годов. Базовая структура Конвенции отражает подходы к экологическим вопросам, сложившиеся на тот период времени, когда она разрабатывалась, и, таким образом, не основана на принципах, свойственных современному подходу к защите окружающей среды. Можно утверждать, что введение моратория на китобойный промысел и его продолжение является воплощением принципа предосторожности (осторожного подхода) в МКК. Одним из главных недостатков МКРК является ее весьма примитивный механизм международного правоприменения. Основная ответственность за обеспечение соблюдения положений Конвенции лежит на участниках Конвенции. Сообразно с пунктом 1 статьи IX, государство — участник МКРК отвечает за обеспечение соблюдения ее условий и «наказания за нарушение этих условий во время операций, проводимых лицами или судами, находящимися под его юрисдикцией». МКК

оказывается вынужденной попытаться действовать в качестве форума, в рамках которого решаются непримиримые конфликты интересов. Стремления китобойных держав в их нынешнем виде просто не могут быть реализованы без сколь-либо ограниченного возобновления коммерческого промысла. С другой стороны, стремление «охранителей», коих сейчас большинство в МКК, могут быть выполнены только в случае отказа от возможности любого возобновления коммерческого китобойного промысла. Поэтому наиболее важный и насущный вопрос состоит в том, является ли МКРК по-прежнему актуальным международным договором или же она нуждается в пересмотре (или даже отмене в качестве устаревшего договора) с учетом того, что она не оправдывает нынешний комплекс надежд ее участников. Отсутствие общего понимания и атмосфера враждебности между членами Китобойной комиссии, оказало парализующее воздействие на ее функционирование и привело к международным тяжбам, рассматриваемым в следующем разделе.

3. Китобойный промысел в Антарктике (Австралия против Японии, со вступлением в дело Новой Зеландии) (Рассмотрение по существу)

Одним из наиболее острых вопросов в рамках МКРК стало ведение Японией китобойного промысла в научно-исследовательских целях, в результате чего в 2014 году было вынесено решение Международного Суда по делу *о китобойном промысле в Антарктике (Австралия против Японии, со вступлением в дело Новой Зеландии)* (Malgosia Fitzmaurice & Dai Tamada, *Whaling in the Antarctic: The Judgment and its Implications* (Brill/Nijhoff, 2016)). И Австралия, и Новая Зеландия утверждали, что «научный» китобойный промысел Японии (так называемая программа «ЯРПА II») фактически не преследует «научно-исследовательских целей». Суд согласился и предписал Японии отозвать все по-прежнему действительные научные разрешения. Решение Суда применяется только к этому конкретному научному китобойному промыслу Японии, но не влияет на какой-либо будущий китобойный промысел. В своем решении Международный Суд вновь выразил мнение о том, что «ЯРПА II», по всей видимости, включает в себя элементы, которые в общих чертах можно охарактеризовать как научные исследования, однако представленные Суду доказательства не подтверждают разумность этой программы и ее осуществления с точки зрения достижения поставленных целей. Суд заключил, что специальные разрешения, выданные Японией на убой, добычу и переработку китов по линии «ЯРПА II», не преследуют «цели научных исследований» (по смыслу пункта 1 статьи VIII МКРК). Однако Суд сформулировал мнение о том, что применительно к программе «ЯРПА II» Япония выполнила требования, содержащиеся в пункте 30 Приложения к Международной конвенции по регулированию китобойного промысла.

Возник и вопрос о том, является ли Международный Суд надлежащим форумом для обсуждения научных вопросов касательно китобойного промысла. Судьи Овада и Абраам высказали мнение о том, что Международный Суд не обладает для этого необходимой компетенцией (несогласное мнение судьи Хисаси Овады и несогласное мнение судьи Ронни Абраама; William de la Mare, Nick Gales and Mare Mangel, ‘Applying Scientific Principles in International Law on Whaling’, (2014) *Science* 345 (6201); Caroline Foster, *Science and the Precautionary Principle in International Courts and Tribunals. Expert Evidence, Burden of Proof and Finality*, Cambridge University Press, 2011).

Существует также вопрос о применении стандарта «объективной разумности». Какова была роль Международного Суда в применении такого стандарта в данном случае: провести пересмотр *de novo* или оставить это на усмотрение государств, выдающих разрешения, с последующей оценкой Научным комитетом и МКК. Юристы зачастую не чувствуют себя уверенными в вопросах науки. Безусловно, нельзя рассматривать вопросы китобойного промысла в отрыве от науки, и в деле *о*

китобойном промысле все эксперты, представшие перед Судом, были учеными, и их показания сыграли основополагающую роль в решении Суда. Функционирование МКК должно опираться на научные исследования, и одна из главных проблем, уже неоднократно поднимавшаяся в связи с ее работой, заключается в подразумеваемом отсутствии прочной научной основы для принятия решений. В целом роль науки в области права окружающей среды весьма сложно определить. В общем плане мы наблюдаем тенденцию к валоризации науки и, более конкретно, научно обоснованной разработки политики, в различных случаях межгосударственного сотрудничества, будь то в рамках договорных международных и наднациональных организаций, ВТО или транснациональных сетей по вопросам политики. Эта тенденция подкрепляется тем, что в практике на уровне международного сотрудничества, по-видимому, отмечается привлекательность науки в силу ее объективности, беспристрастности и независимости от теорий, в рамках которых осмысляются получаемые данные.

Как было правильно замечено, решение Международного Суда продемонстрировало слабость процесса обзора в рамках МКК и ее Научного комитета, которым свойственно смешение науки с политикой, что не является необычным явлением в межправительственных форумах, где результаты нередко определяются политическими соображениями. В контексте дела *о китобойном промысле* выражались мнения о том, что нынешний экосистемный подход и концепция общего наследия человечества могут рассматриваться государствами в качестве порождающих обязательства *erga omnes* и *erga omnes partes* и, таким образом, обуславливающих средства правовой защиты по смыслу статьи 48 статей об ответственности государств Комиссии международного права (КМП) (Simone Borg, 'The Influence of International Case Law on Aspects of International Law Relating to Conservation of Living Marine resources beyond National Jurisdiction,' (2012) 23 *Yearbook of International Environmental Law* 44–79, 67–71. См. также Giorgio Gaja 'The Protection of General Interests in the International Community,' (2011) RCADI 364, 171–80).

4. Китобойный промысел в Японии после решения Международного Суда

18 ноября 2015 года Япония объявила о своих планах добычи 333 малых поло-сатиков в Антарктике. Она представила Председателю Научного комитета МКК и в секретариат МКК проект новой программы научно-исследовательской деятельности в Антарктическом океане (NEWREP-A). Новая программа предлагается на период 12 лет, и в ней установлены «промежуточные целевые показатели» для обзора Научным комитетом МКК по истечении шести лет. Программа также предусматривает сотрудничество с Комиссией по сохранению морских живых ресурсов Антарктики (АНТКОМ) и рядом научно-исследовательских институтов в Японии (по таким вопросам, как полярные зоны и рыболовство). Япония отменила промысловый сезон 2014–15 годов и возобновила промысел в 2016 году.

В октябре 2015 года Япония изменила свою факультативную резолютивную часть касательно обязательной юрисдикции Международного Суда и исключила из юрисдикции Суда споры, касающиеся живых морских ресурсов, тем самым предотвратив возможность представления в Суд любых дальнейших споров о китобойном промысле.

Материалы по теме

A. Правовые документы

Конвенция о регулировании промысла китов, Женева, 24 сентября 1931 года, League of Nations, *Treaty Series*, vol. 155, p 351.

Международное соглашение по регулированию китобойного промысла (с декларацией), Лондон, 8 июня 1937 года, League of Nations, *Treaty Series*, vol. 190, p 80.

Протокол о поправках к Международному соглашению от 8 июня 1937 года и Протоколу от 24 июня 1938 года по регулированию китобойного промысла, подписанный в Лондоне 26 ноября 1945 года, Лондон, 26 ноября 1945 года, United Nations, *Treaty Series*, vol. 11, p 43.

Международная конвенция по регулированию китобойного промысла, Вашингтон, 2 декабря 1946 года, United Nations, *Treaty Series*, vol. 161, p 74.

В. Судебная практика

Международный Суд, *Китобойный промысел в Антарктике (Австралия против Японии, со вступлением в дело Новой Зеландии), несогласное мнение судьи Абрама от 31 марта 2014 года.*

Международный Суд, *Китобойный промысел в Антарктике (Австралия против Японии, со вступлением в дело Новой Зеландии), несогласное мнение судьи Овады от 31 марта 2014 года.*

Международный Суд, *Китобойный промысел в Антарктике (Австралия против Японии, со вступлением в дело Новой Зеландии), Решение, I.C.J Reports 2014, p. 226.*

С. Доктрина

S. Borg, “The Influence of International Case Law on Aspects of International Law Relating to the Conservation of Living Marine Resources beyond National Jurisdiction”, *Yearbook of International Environmental Law*, vol. 23, 2012, p. 44.

Ed Couzens, *Whales and Elephants in International Conservation Law and Politics: A Comparative Study*, Routledge, 2014.

P. Davies, “Cetaceans”, in M. Bowman *et al.*, *Lyster's International Wildlife Law*, Cambridge University Press, Cambridge, 2010, p. 150.

K. Dorsey, *Whales and Nations. Environmental Diplomacy on the High Seas*, University of Washington Press, Seattle, 2014.

C. Epstein, *The Power of Words in International Relations. Birth of Anti-Whaling Discourse*, MIT Press, Cambridge, 2008.

M. Fitzmaurice, *Whaling and International Law*, Cambridge University Press, Cambridge, 2015.

M. Fitzmaurice, D. Tamada, *Whaling in the Antarctic: Significance and Implications of the ICJ Judgment*, Brill-Nijhoff, Leiden, 2016.

C. E. Foster, *Science and the Precautionary Principle in International Courts and Tribunals. Expert Evidence, Burden of Proof and Finality*, Cambridge University Press, Cambridge, 2011.

A. Gillespie, *Whaling Diplomacy: Defining Issues in International Environmental Law*, Edward Elgar Publishing, 2005.

L. Leonard, “Recent Negotiations Toward the International Regulation of Whaling”, *American Journal of International Law*, vol. 35, 1941, p. 90.

W. de la Mare, N. Gales, M. Mangel, “Applying scientific principles in international law on whaling”, *Science*, vol. 345, issue 6201, 2014, p. 1125.

G. Nagtzaam, *The Making of International Environmental Treaties, Neoliberal and Constructivist Analysis of Normative Evolution*, Edward Elgar Publishing, 2009.

J. N. Tonnessen, A. O. Johnsen, *The History of Modern Whaling*, University of California Press, Berkeley and Los Angeles, 1982.